

Прости меня, старый воин Гришутин

Твоя койка была напротив моей, старый воин Гришутин, и я был невольным свидетелем твоего угасания. Когда у тебя изо рта пошла кровь, вся палата переполошилась и люди в белых халатах быстро унесли тебя в тридцать восьмую. Ты называл ее палатой смертников. Туда я заходил редко, боясь увидеть тебя мертвым.

Гришута, Гришута. Старый воин Гришутин. Ты был обречен, но ни разу я не видел в твоих глазах страха перед смертью.

По ночам мы с тобой долго не могли уснуть. Каждый из нас был занят своими мыслями. И все же одна мысль у нас была общей. Мысль о том, чтобы поскорее покинуть стены больницы. Только я торопился домой, в семью, в уют, а ты... ты торопился, но ты спешил оставить всех нас и навсегда поселиться в долине безмолвия. Твои губы не раз шептали: «Господи! Господи! Хоть бы поскорее...» А утром ты вновь просыпался для новых мучений. Пять твоих ранений подарили сердцу два инфаркта, и третьего ты ждал как избавления.

Старый солдат Гришутин. Когда в боях ты не прятался от пуль, я только учился читать по складам, теперь же ты не мог подняться с постели без моей помощи даже по малой надобности.

Русский солдат Гришутин, я возненавидел твоих родственников за то, что они не могли подбодрить тебя ни одним словом, ни одним взглядом. В их глазах ты читал все о себе и ничему не удивлялся.

А я, я безбожно врал. Я говорил, что ты выстоишь, что ты обязательно поднимешься, что ты еще не то видел. Ведь ты же сам мне рассказывал, как одна из твоих ран гноилась десять лет. Я знаю, что ты мне не верил, и все же в глубине твоих глаз я читал благодарность.

А однажды, когда тебе стало совсем плохо, ты сказал, что вряд ли доживешь до утра. И тогда я стал врать еще хлеще и даже позволил себе посмеяться над тобой.

Эта ночь была для меня сущим кошмаром. Еле дождавшись утра, я тихо подкрался к дверям твоей палаты и со страхом приоткрыл их. Я понял, что ты уже ждал меня по тому, как глаза твои улыбались, а губы шевелились в приветствии. Я торжествовал, я вел себя, как мальчишка, а ты по-доброму смеялся надо мной.

А ушел я от тебя среди дня, когда ты уснул, ни единым словом не обмолвившись, что выписываюсь из больницы.

Я бежал, как последний трус, зная, что мы никогда больше не увидимся. Я не в силах был сообщить тебе о своей радости, и тем самым обречь тебя на еще большее одиночество. Прости меня, старый воин Гришутин.

1984 год